

УДК 82ОЛ-3.091. "XVI"

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ В «ЖИЗНИ И СМЕРТИ ВИЛЬЯМА ДЛИННОБОРОДОГО» Т. ЛОДЖА (XVI В.)

Фоменко Е.Г., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

Своеобразие функционирования языковых единиц в тексте объясняется наличием интегративных отношений, действием категории связности и приращением смысла языковых единиц. Подобно парадигматическим и синтагматическим отношениям, интегративные, или иерархические отношения, носят, по-видимому, универсальный характер [1, 23].

Под интеграцией обычно понимают объединение всех частей текста в целях достижения его целостности. Сравнивая связность и интеграцию, И.Р. Гальперин подчеркивал, что первая реализуется в линейном синтагматическом разрезе, в то время как вторую можно считать парадигматическим процессом [2, 125].

В небольших по объему текстах связность полностью обеспечивает интеграцию. Однако с увеличением объема «вся совокупность языковых средств становится просто языковой субстанцией развертывания смысла текста и его единиц блоков» [3, 95].

В художественных текстах интеграция обретает разнообразные формы, которые недостаточно изучены. Одним из путей выявления интегративных процессов является представление содержания текста в виде макроструктуры, к которой приводятся пропозиции текста после применения макроправил опущения, обобщения и построения. Приписывая тексту глобальное значение, макроструктура облегчает выстраивание интегративных процессов, акцентирует внимание на пучках интеграции. Систематизация текстовых и контекстуальных ключей в соответствии с их включением в макроструктуру позволяет объективно вскрыть интегративные процессы [4, 42-44]. Нельзя не согласиться с И.Р. Гальпериным относительно того, что интеграция может быть воспринята лишь при аналитическом подходе к произведению, а именно «при разложении первого целостного восприятия» [5, 130].

Другим, не менее продуктивным путем, является вскрытие интегративных процессов через лексическое наполнение текста. Семантическое поле формируется целенаправленно так, чтобы «сделать возможной интеграцию личностного смысла слова в терминах нового лексического значения адресатом своего сообщения» [6, 125].

В настоящей статье рассматривается интегративный процесс, который мы называем персонификацией. Персонификация складывается из переобозначений участника действия, или топикального референта, образующих своеобразную базу данных о нем. Персонификация выводится в результате свертывания топикальной сетки персонажа, т.е. с однократным вхождением повторяющихся элементов и опущением замен служебными словами, не привносящих нового значения или оттенков значения. При членении произведения на главы, топикальная сетка сперва выводится для отдельной главы, а затем ключевые топикальные элементы выстраиваются в линейной последовательности. Получаемая таким образом персонификация позволяет, во-первых, объективировать семантическое поле, в котором действует персонаж, и, во-вторых, интерпретировать его персонификацию в условиях, максимально приближенных к исходной авторской модели.

Материалом анализа послужил псевдоисторический роман «Жизнь и смерть Вильяма Длиннобородого», написанный одним из признанных мастеров «елизаветинской» прозы Томасом Лоджем [7]. Хотя это произведение не столь известно, как прославивший Лоджа роман-пастораль «Розалинда», персонификация главного героя, честолюбца низкого происхождения, заслуживает специального изучения.

Прототипом героя Лоджа является историческое лицо, человек по имени Вильям Фиц-Осберт, прозванный Длиннобородым. Выступая защитником бедноты, задавленной в годы десятилетнего царствования Ричарда Львиное Сердце поборами, Вильям возглавил тайную организацию, насчитывавшую до пятидесяти тысяч человек. Желая избавиться от Вильяма, его враги спровоцировали стычку, в которой Вильям убил нападавшего. Преследуемый и гонимый, Вильям скрылся в церкви, где оборонялся несколько дней. Выкуренный из церкви огнем, он был полуживым доставлен в Смитфилд, к месту казни. В целом следуя общеизвестным фактам, Лодж наделил своего Вильяма чертами, чуждыми

гуманистическим идеалам Возрождения. Герой Лоджа коварен, лукав и хитер. Творимое им добро теряет ценность, поскольку вершится не ради торжества справедливости, а для упрочения личной власти. Чередуя один коварный замысел другим, Вильям закономерно приближается к неминуемому возмездию.

Проследим этапы персонификации этого персонажа по всем пяти главам романа.

В авторском вступлении, открывающем первую главу, дается обобщенная характеристика Вильяма, в которой выделяются следующие топикальные элементы:

William with the longe beard (прозвище, первичная номинация персонажа и ведущее сквозное обозначение: длиннородость выделяет Вильяма внешне и символизирует его коварные помыслы внутренне); 2) *free Cittizen of London* (указание на то, что Вильям родился после 1130 года, когда Лондон получил хартию); 3) *of greater minde then of high parentage* (причина конфликта: Вильям одарен, но из-за низкого происхождения не может подняться иначе, чем прибегая к хитростям и уловкам); 4) *his own cunning and labour* (хитрить ради славы становится второй натурой Вильяма); 5) *his deuilish and damnable nature* (отрицательное отношение рассказчика к своему герою остается неизменным на протяжении всего произведения). Итак, с самого начала подчеркивается, что Вильям даровит, но не знатен. Почему для писателя столь существенна даровитость Вильяма?

Дело, по-видимому, в том, что в эпоху Возрождения человек ценился по способностям. Прилагая собственные усилия, одаренный человек мог добиться высот, чему немало примеров. Сравнивая возможности, открывшиеся перед человеком нового времени, со старым укладом, автор дает понять, что родись Вильям не в XII веке, а на несколько столетий позже, он бы нашел более целесообразное применение своим талантам. Однако проблема лежит глубже: свойственные человеку лукавство и безмерное честолюбие губительны при любом укладе. Бесовское, нечестивое не определяется временем, но может усугубляться определенными условиями, как в случае Вильяма. Недаром рассказчик идет от «длиннородости» Вильяма – прозвища, метки, символа злобной породы, дьявольской натуры. Длиннородостью Вильям противопоставляется знати, в длиннородости узнаваемость, почитаемость, внушительность – все то, в чем Вильяму отказано по рождению. Единственная упомянутая черта внешнего облика, бородатость делает Вильяма скрытым от постороннего взгляда.

Таким образом, в авторском вступлении намечены исходные направления персонификации Вильяма: одарен – значит умен, изощрен, ловок; хитрость вошла в привычку; порочен, как и всякий честолюбец.

Главным препятствием, возникшим на пути Вильяма, стало отсутствие богатства: для него оно такое же слагаемое успеха, как и холеная борода.

В первом эпизоде о расправе с братом первым обозначением Вильяма было не имя собственное, как следовало ожидать, а замена личным местоимением. С одной стороны, авторское вступление плавно переходит в эпизод, но с другой – личным местоимением персонажа как бы обезличивается, ведь пока Вильям никто по сравнению с более удачливым старшим братом, который разбогател собственным трудом. Рассказчик осуждает Вильяма, называя его то *wicked William*, то *the cursed brother*. Строя последовательности обозначений братьев параллельно, рассказчик делает акцент на понятиях, разъединяющих их, как противоположны добро и зло: 1) прилагательным *own* подчеркивается, что старший брат сам нажил богатство (*his own frugalitie*), чем младший не преминул воспользоваться; интересно, что понятие, выраженное с помощью *own*, зацепляется с топикальным элементом с тем же прилагательным из вступления – Вильям сознательно встает на путь предательства; 2) повторы притяжательного местоимения *his*, анафорически приумножаемые в цепочке обозначений брата, могут быть проинтерпретированы относительно Вильяма: *his own frugalitie* (напротив, Вильям присвоит чужое), *his goods* (конфискованное и перешедшее к Вильяму чужое состояние), *his body* (жизнь и смерть брата в руках Вильяма), *his wife and children* (жестокость по отношению к семье невинного брата), *his long labour* (Вильяму не умеет настойчиво трудиться, а ищет легкой наживы), *his confusion* (брат не понимает, почему Вильям так с ним обошелся). Общее для братьев наименование *his brother* усиливает гнусность предательства Вильяма: он наносит удар по собственному брату, что последнему кажется действием не только не милосердным, но и не поддающимся логическому объяснению.

Вильям творит зло, науськивая на брата своих приспешников, что подчеркивается инверсией *his* в словосочетании *lewd and sinister confederates of his*. Также притяжательным местоимением обозначен переход богатства из одних рук в другие: *his goods*, братино добро, отрешается от него заменой *his* на определенный артикль и вынесением *his* (теперь уже Вильяма) в отдельную позицию: *his goods* (имущество брата) и *the goods were his* (собственность брата присваивается Вильямом). Следующее обозначение *his riches* лишь формально соотносит со старшим братом, потому что потеря им состояния стала фактом. Еще два топикальных элемента с притяжательным местоимением, *his periurie* (Вильям) и *his ruine* (старший брат), окончательно разделяют братьев. Очевидно, что нагнетание *his* в поверхностной структуре текста усиливает понятие беззакония, которое творит Вильям. Таким образом, в эпизоде с братом Вильям показан как человек, организовавший коварство-подвох по отношению к близкому родственнику, действующий через сторонников, злостный и порочный.

Во втором эпизоде первой главы, где Вильям сговаривается с аббатом о наделении королевскими полномочиями, их цепочки пересекаются, т.е. имеют общие элементы (подобным образом в пятой главе у Вильяма будут общие обозначения с его сторонниками). Здесь только три элемента с притяжательным местоимением: 1) *his long beard* (основание для прозвища, которое далее станет неотъемлемой частью Вильяма); 2) *his detested subtilities* (уточнение *his own cunning* из авторского вступления), 3) *his succeeding treacheries* (указание на характер действий Вильяма). Как видно, в описании Вильяма сгущаются черты, подчеркивающие негативную сущность его “трудо”. То, что в подлости Вильям не одинок, ясно из объединяющих элементов.

В главе второй, где основное место отведено рассказу о бедствиях вдовы сапожника, закрепляется прозвище Длиннобородый. Лишь раз в элементе *his inferior* связь передается притяжательным местоимением, которое, правда, к Вильяму имеет косвенное отношение. Через *his* проводится грань между богачами и выскочкой Вильямом: *his* (богатый) и *inferior* (Вильям, человек низкого происхождения). Действительно, вопреки ожиданию, богатство брата не делает Вильяма равным богатым по рождению. Все это усугубляет неприязнь Вильяма к ним: он мечтает быть равным, но тщетно, вот почему он мстит за свою неудачу. Вместе с тем, ведя дела бедноты против богатых, Вильям вызывает у последних ответную ненависть. Но как бы ни старался Вильям насолить богачу, тот может защититься, уплатив в казну штраф.

В третьей главе основные топиальные элементы, повторяющиеся в разных главах, - имя собственное и личное местоимение. Однократно связь передается родовым понятием *this crafty citizen* (варьированный повтор обозначения из авторского вступления), также однократно употребляется прозвище. Зато топиальных элементов с притяжательным местоимением целых 17. Примеры: *all his mind was planted on ambition* подводит к элементу *his ambition* – ведущему обозначению Вильяма в последующей четвертой главе; *his greatest fear, his cloked aspiring* указывают на то, что вызывая страх у других, Вильям тоже испытывает его, поскольку боится разоблачения своей двойной игры; *his fancies, his senses* – увлечение дамой для отвода глаз, для сокрытия своей подстрекательской деятельности среди цеховиков и бедного люда; *all his hopes* – все жизненные устремления Вильяма честолюбивы; *his purposes, his practice, his cursed intention, the manner of his life, the business of his brain, the eloquence of his toong, the mightiness of his mind* – коварство стало второй натурой Вильяма. Ради собственного возвышения Вильям готов пренебречь радостями любви, да и нет в его душе места для другого человека, поскольку важен он сам (*his*). Вильям одинок, слава заменяет ему любовь к другому человеку. Не любовь, а страх движет Вильямом – страх упустить возможность возвыситься, страх перед обнажением подлинных мотивов своих «праведных» действий.

В четвертой главе, как и раньше, одним из ведущих средств создания топиальной цепочки Вильяма является притяжательное местоимение: 1) *his own power* (впервые говорится о том, что Вильям достиг власти; знаменателен повтор прилагательного *own*, связывающего данный элемент с *his own cunning* из авторского вступления и *his own practices* из первой главы – Вильям обрел то, что хотел, о чем мечтал, но власть, удерживаемую страхом, трудно уберечь); 2) *his traitorous practices* (расширенный повтор *his practices* из предыдущей главы); 3) *the old rankled venome of his ambition* (связь честолюбия и власти); 4) *his followers* (подкупленные сторонники – единственное, что есть у Вильяма; он вознаграждал их из кармана богатых, открыто говоря, что процветание их благодетеля, то есть Вильяма Длиннобородого, означает их собственное благоденствие); 5) *his guilty conscience* (общее с другими главами обозначение); 6) *his courage* (инструмент для сохранения власти); 7) *his wracke* (его падение приведет к падению его сторонников); 8) *his marble heart* (бездушие, холодный расчет).

В топиальную сетку входят также две замены контекстуальным синонимом: *this viper* (аллюзия к гигантам, о которых рассказчик упоминал во втором эпизоде первой главы) и *the Foxe* (оценка Вильяма богачами). Еще одно переобозначение, выраженное личным местоимением с ограничительным оборотом, представляется важным: *he who in all conflicts of Fortune was both confident and courageous*.

Персонификация Вильяма практически завершена в этой главе. Именно здесь прозвище Длиннобородый сопровождается притяжательным местоимением *their*: хотя беднота боготворила Вильяма, он просто опирался на нее при восхождении к власти и славе. С элементом *their William Long Beard* из четвертой главы соотносится ограничительный оборот с личным местоимением *him whom they had so loued* из пятой главы.

Сведя вместе вышеперечисленные топиальные элементы, опустив повторы и включив в одно семантическое поле близкие по смыслу понятия, можно получить персонификацию главного персонажа:

(Their) William (with) Long Beard / craftie / inferior / malefactor / who in all conflicts of Fortune was both confident and courageous. Поясним введенные в персонификацию Вильяма компоненты:

1. Притяжательное местоимение *their* является существенным для противостояния Вильяма богачам; опираясь на бедноту, Вильям добился единственно возможной славы – славы подстрекателя, славы

защитника интересов бедных. Слава сделала его легко узнаваемым (прозвище) и наводила страх на тех, кому противостоял Вильям.

2. Определение *craftie* указывает, с одной стороны, на одаренность Вильяма, а, с другой, на искусственность, изощренность его хитроумия.

3. Понятие, выраженное *inferior*, таит причину конфликта: рождение Вильяма не позволяет ему достичь высот, которые сделали бы его государственным мужем. В поле *inferior* войдут поясняющие элементы *of greater minde then of high parentage, the mightinesse of his mind, his greatest fear / his cloaked aspiring*. Из-за низкого происхождения Вильям вынужден был искать путь, позволявший ему преодолеть этот существенный недостаток.

4. В поле *confident* входят *his own cunning and labour, his devilish and damnable nature, his courage, his own person, his ambition, his own power, his marble heart*. Самоуверенность вырабатывалась Вильямом годами, она стала следствием его низкого происхождения и способом самозащиты, ожесточила сердце, проявилась в такой черте как псевдосмелость, для защиты собственного честолюбия и власти; Вильям одинок, он может полагаться только на самого себя – его самоуверенность напускная.

5. В поле *malefactor* входят *his succeeding treacheries, his traitorous practices, his guilty conscience, his wits, his cursed intention, the business of his brain, the manner of his life, his continual assemblies, his disordered assemblies*.

Прирожденный интриган, Вильям не несет положительного заряда: и при более благоприятных обстоятельствах, как представляется, он не смог бы жить, не будоража, не ведя других за собой – ради славы, пусть ложной.

В сознании Вильяма гипертрофировано понятие принадлежности: он жаждет богатства, положения, славы для себя, его болезненное самолюбие насыщается, будто нектаром, чужим восхвалением – в ответ на собственные медоточивые речи Вильям жаждет медоточивого обожания. Вместе с тем чужое *his* не дает Вильяму покоя, травмирует его. Он берет часть чужого себе (имущество брата), часть поставляет в королевскую казну в виде штрафов, определенную толику передает своим приспешникам для обеспечения их поддержки. Но между *his* (для себя) и *their* (якобы для других) лежит неведомая простому люду пропасть: Вильям не делится своим, а распределяет чужое по-змеиному, по-лиси. Он запоминается «длиннобородостью» коварства – коварства лукавого, окаянного, безнравственного. Для него человеческая жизнь не самоценна: эшафот – так эшафот, лишь бы проглотить, пусть последней, славы.

Вильям персонифицируется через призму определенных отношений, среди них:

1. семейные отношения: В семье Вильяму уделяется внимание, его обучали, старший брат о нем заботился, но Вильям разрывает семейные узы – уничтожен брат, бедствуют его вдова и сироты, с горя умирают родители;
2. деловые отношения: Порвав с семьей, Вильям останавливает выбор не на друзьях, а попутчиках, разделяющих его интересы и честолюбивые помыслы;
3. общественные отношения: Вильям примыкает к социальной группе цеховиков и бедняков, наиболее активные из которых оказывают ему, далеко не бескорыстно, поддержку;
4. личная жизнь: Вильям избирает Мадлен для ухаживания, однако любовь не очищает его, не отвращает от поиска власти; Вильям вспоминает о любви, когда более настойчивый соперник предъявляет права на его избранницу: тогда рассерженный Вильям собственноручно убивает соперника.

Избирая славу, Вильям сосредоточился на собственном «я». Любое отношение строится им как отношение принадлежности: сторонники его, потому что он обеспечивает им красивую жизнь; богатство брата его, потому что Вильяму хочется хорошо пожить; сила ума его, а значит и право, диктовать свои условия другим.

Называя свойство, присущее Вильяму, рассказчик усиливает его. Так, в главе четвертой корневой повтор прилагательного *confident* сопровождается расширенным повтором *audacious confidence, so great confidence*. К корневому и варьированному повторам автор прибегает при обыгрывании понятия даровитости Вильяма: *of greater minde then of high parentage, the minde ordained for thinges, the mightinesse of his mind*.

Хотя образ Вильяма выстраивается в ключе, заданном авторским вступлением, автор пытается обыграть каждую черту, прибегая к синонимам. Например, *wicked* и *cursed, subtlety* и *cunning, the first fruites of his impietie u his detested subtleties*. Назвав явление, писатель уточняет его: *his own cunning and labour* (авторское вступление), *so cunning was he to insinuate himselfe among the Commons* (первая глава), *he might insinuate himselfe amongst the poorer sort* (вторая глава), *having insinuated himselfe into the fauour of the King* (третья глава). Или: *ambition sealed his eies* (авторское вступление), *wrastling in the fame* (первая

глава), *all his minde planted on ambition, the ambitious desires* (третья глава), *the old ranckled venome of his ambition* (четвертая глава), *the ambition which hath intangled me* (пятая глава).

Очередность включения элементов, раскрывающих одну и ту же черту, одно и то же качество, присущее Вильяму, позволяет проследить движение к конечной цели Вильяма – обладанию властью (*his own power*), которую честолюбец (*his ambition*) редкого ума (*his brain, his mind*), но низкого происхождения (*his base estate and birth*), мужественно (*his courage*) сделал смыслом жизни (*the manner of his life*), не брезгуя подлостью (*his own cunning, his impiety, his subtleties*) и не останавливаясь ни перед чем (*his marble heart*). Перед нами – умный, коварный, изощренный в хитроумии честолюбец, направивший всю энергию на разрушение самого себя. Для Вильяма вся жизнь текла вокруг понятий, вводимых *his*: он хотел разделять с другими право на полное наслаждение жизнью; он хотел сделаться знаменитым, чтобы его слава (*his*) сделала его необходимым (*their*) в сознании устремленных за ним людей.

Выведенная нами персонификация Вильяма совпадает со сквозной линией повествования – описанием разных форм коварства: коварство-подвох (заговор против брата), коварство-сговор (совместный с аббатом план использования королевских полномочий), коварство-псевдосправедливость (дело вдовы сапожника), коварство-месть за более высокое положение в обществе (сбривание бороды у придворных), коварство-месть за удачу в любви (убийство соперника), коварство-расправа (казнь Вильяма).

Власть и слава становятся лейтмотивами поведения Вильяма. В своих действиях Вильям опирался на королевские полномочия (*authority*), которые искусно (*crafty*) использовал в интересах собственного возвышения (*power*), ради честолюбия (*ambition*) опускаясь до хитроумных (*subtle*) заговоров (*complotter*), неуемной жадной (*desire*) почитания (*dignity*) и уважения (*respect*) разрушив (*ruin*) себя.

Проведенный анализ подтверждает известное высказывание М.М. Бахтина о том, что «форма, обымая содержание извне, овнешляет его» [8, 33]. Персонификация высветляет пучки информации, которые подлежат дальнейшей интерпретации в жестких рамках семантического поля переобозначений персонажа, заданного автором текста. Подобный лингвопоэтический анализ может помочь синтезировать достижения лингвистической теории текста и литературоведения и взаимообогащать их новыми междисциплинарными изысканиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
3. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
5. Гальперин И.Р., *op. cit.*
6. Яценко Е.Ю. Опосредование мыслительной деятельности индивида через систему конкретного языка в ходе текстовой деятельности // Предложение и текст: Межвуз. сб. науч. тр. – Рязань: РГПУ, 1998. – с.120-129.
7. Lodge T. The Life and Death of William Long Beard. // J.P. Collier. – Vol.2. -1866.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. литература, 1975.